УДК 316.34
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.5

Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России

В.В. Узунов
Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье анализируются три группы факторов социальной консолидации (социокультурные, социально-экономические и социально-политические) населения южнороссийского региона. По результатам исследования делается вывод о том, что факторами, препятствующими консолидации регионального пространства на Юге России, являются прежде всего этнический и конфессиональный факторы, кризис доверия, социально-экономическое неблагополучие, неразвитость гражданского общества и гражданского патриотизма, несформированность южнороссийской макроидентичности, этатистский (державный) характер патриотизма.

Ключевые слова: социальная консолидация; Юг России; факторы социальной консолидации; религия; этничность; идентичность; патриотизм; регион.

***Для цитирования*:** Узунов В.В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 56 – 70.

Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia

Vladimir V. Uzunov
Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia

Abstract. The article analyzes three groups of factors of social consolidation (socio-cultural, socio-economic and socio-political) of the population of the South of Russia. According to the results of the study the author concludes that the hindering factors for the consolidation of the regional space in the South of Russia are the following: ethnic and confessional factors; the crisis of confidence; social and economic disadvantage; the underdevelopment of civil society and civil patriotism; the lack of South Russian macro-identity; the etatist (state) nature of patriotism.

Key words: social consolidation; South of Russia; factors of social consolidation; religion; ethnicity; identity; patriotism; region.

***For citation*:** Uzunov V.V. Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 56 – 70.

Введение

Югу России как макрорегиону со своей спецификой протекающих этнокультурных, конфессиональных, межэтнических, идентификационных, социально-экономических и, в целом, пространственных процессов посвящены фундаментальные исследования *(Волков, 2018)*. Это неудивительно, поскольку современное состояние южнороссийского региона сложно назвать благополучным. Более того, закрепившаяся за южнороссийским регионом слава эпицентра межнациональных столкновений, противоречий и распространения экстремистских движений и организаций также привлекает внимание исследователей.

Нас же интересует проблема социальной консолидации Юга России как важнейшего условия благополучного и инновационного развития данного региона, обладающего уникальным пространством социальных и культурных отношений и процессов.

Факторы социальной консолидации в региональном пространстве южнороссийского региона достаточно активно изучаются исследователями, и для удобства научного анализа их целесообразно разделить на три ключевые группы:

социокультурные, социально-экономические и социально-политические. И здесь, конечно же, на передний план выходят факторы социокультурного плана, содержащие в себе целый ряд факторов, связанных с идентификационными процессами, с религией и доверием как пространством организации региональных отношений, в том числе в системе «власть-региональное сообщество», исторической памятью и особенностями межкультурной коммуникации, и др.

В данной статье мы остановимся на самых важных факторах с точки зрения изучения Юга России как стоящего перед проблемой социальной консолидации, под которой мы понимаем процесс, характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг остро стоящих перед ним социальных проблем на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов их разрешения *(Узунов, 2019).*

Религия и этничность в системе факторов социальной консолидации на Юге России

Одним из важнейших факторов влияния на процесс социальной консолидации на Юге России является религия, которая может как объединять на благие цели и действия, так и разъединять людей, делая их непримиримыми врагами. Повышенный интерес к религиозному фактору в социальных процесса на Юге России со стороны ученых, конечно же, объясним. Влияние двух ключевых факторов, детерминирующих все пространство Юга России вот уже более 25 лет, так сильно, что прежнее влияние, которое всегда имело место быть, не идет ни в какое сравнение: это этнический и конфессиональный факторы, включенные в группу социокультурных и определяющие ход и содержание многих других факторов, связанных с исторической памятью, гражданской культурой и гражданским обществом в целом.

Если говорить о религии, то стоит привести мнение М.М. Мчедловой, указывающей на то, что религия снова активно возвращается в публичное пространство, определяя уже не столько частную жизнь людей, сколько формы социальных отношений и процессов, причем как конструктивные, так и деструктивные *(Мчедлова)*. Последние ярко проявляют себя в виде религиозного экстремизма, наиболее развитые формы принимающего в регионах, традиционно исповедующих ислам. Выражением высокой динамики влияния религиозного экстремизма на развитие этих регионов, сконцентрированных в региональном пространстве Юга России, является активное вовлечение молодежи в деструктивные исламистские структуры. Так, А.Ю. Круглова, проанализировав социальную базу деструктивных исламистских сетевых структур на Юге России, пришла к выводу, что ее составляет в основном молодежь, как правило, неблагополучная (из малообеспеченных слоев населения, неработающая, с низким уровнем образования), хотя порядка 10% из числа молодых участников данных структур являются представителями обеспеченных слоев населения *(Круглова, 2019).*

Эти деструктивные движения и структуры опираются в своей детальности на идеологию исламского радикализма, и данные показывают, что в тех регионах, где ислам играет более важную роль в жизни общества, наблюдается и более активная деятельность данных структур. Информационное агентство «Caucasus Times» выяснило, что в южнороссийском регионе наиболее важное место религия занимает в Чеченской республике и Ингушетии (для 80% населения религия – наиважнейшая ценность) *(Текущев, 2017),* а для других регионов Северного Кавказа фактор религии не имеет столь высокого значения, хотя, конечно же, сфера межрелигиозного взаимодействия на Юге России является ключевой в системе детерминант социокультурной интегрированности и развития общественно-политических, культурных и социальных процессов, а религиозность в данном регионе зачастую предстает в образе регионального патриотизма *(Волков, 2018).*

Особенно это характерно для республик Северного Кавказа, что неудивительно, если учесть, что религия (в данном случае ислам) традиционно выполняет здесь роль главной нормативной структуры общественного порядка, а потому и в системе идеологических ресурсов различных политических движений религия становится важнейшей. Кстати, как отмечают исследователи, эта ситуация характерна не только для регионов, население которых в подавляющем большинстве исповедует ислам. Такая же ситуация складывается и в Ростовской области, в Краснодарском крае, в Ставрополье. Здесь также православное христианство становится идеологическим ресурсом формирования духовно-нормативного пространства региона, патриотического воспитания молодых жителей *(Волков, 2018).*

Наиболее выражены и востребованы религиозные интенции и в политическом пространстве современного мира, и Юга России в том числе. Через политическую сферу они проникают еще глубже в ткань социальных отношений и определяют модели и стили социального поведения, вновь порождая дискурс перспектив дальнейшего развития человечества *(Мчедлова).* В условиях, когда в обществе разрушены иные консолидационные силы, интерес к консолидационному ресурсу религии значительно возрастает. Так считает М.В. Силантьева, раскрывающая особенности консолидации, формирующейся по религиозному признаку *(Силантьева, 2011)*, а С.В. Рыжова указывает на то, что религия в современной России и ее регионах выступает в качестве активного элемента этнического самосознания, т.е. этнической идентичности, особенно усиливая свое влияние в условиях межэтнической напряженности, когда религия становится фактором объединения с людьми своей национальности: такая ситуация, как свидетельствуют многолетние исследования Центра этнической социологии ФНИСЦ РАН, сложилась в российских регионах на современном этапе, и от 20% до 60% респондентов в разных регионах страны выбирают религию как то, что больше всего объединяет их с представителями своей национальности *(Рыжова, 2018).*

Рост этнического самосознания и уровня религиозности российского населения в постсоветский период следует рассматривать как взаимообусловленные процессы, импульс которым придало разрушение советской политики атеизма и нациестроительства, снятие идеологических ограничений в области религиозных практик, повышение роли этнического фактора в жизни общества и связанные с этим процессы этнократии и этнонационализма *(Бедрик, 2018).*

Исследования, проведенные на Северном Кавказе, позволили сделать ученым вывод, что из семи самых конфликтогенных факторов влияния на социально-политическую и межэтническую ситуацию в данном регионе наиболее сильное воздействие оказывают факторы религиозности и конфессиональности. Более того, их влияние будет только возрастать, подпитываемое неблагоприятной социально-экономической ситуацией *(Авксентьев, 2016).*

Вместе с тем пространство межрелигиозного взаимодействия важно тем, что в нем формируется ценность доверия как нормативно определенная религиозной системой мировоззрения, а доверие в свою очередь является важнейшим фактором консолидационных процессов в обществе.

Фактор доверия в консолидационных процессах на Юге России

Доверие структурирует всю систему связей и отношений, определяя их прочность и основательность, перспективы развития. Без наличия в обществе доверия ни один проект, направленный на консолидацию общества, не принесет успех, поскольку доверие является неотъемлемым элементом социального капитала, отражая готовность социума к сотрудничеству и конструктивному взаимодействию, его способность к длительным и стабильным социальным отношениям *(Мукомель, 2017).*

Если говорить о российском обществе, то здесь ситуация критическая – российское общество ученые зачастую уже называют обществом недоверия, и прежде всего это недоверие проявляется на институциональном уровне *(Институциональное доверие).*

Кризис доверия и его острый дефицит ощущается и на межличностном уровне. Так, согласно данным опроса, проведенного исследовательской группой ЦИРКОН, порядка 65% опрошенных россиян считает, что «в отношениях с людьми следует быть осторожными», а противоположной позиции («большинству можно доверять») придерживается только 31% опрошенных. Оценки солидаризированности и сплоченности гражданами России тоже не внушают оптимизма, хотя, как мы полагаем, отражают реалии: порядка 30% полагает, что население России в целом является сплоченным и солидарным, в то время как большая часть – 57% считает иначе, склоняясь к позиции, что в российском обществе «больше несогласия, разобщенности» *(Газета «Коммерсант», 2019).*

Аналогичная ситуация складывается и на Юге России. Так, исследования по Ростовской области, проводимые южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН *(Волков, 2018),* показывают, что, как и в целом по стране, в области наивысшим уровнем доверия среди населения пользуется Президент России (63,5%), в то время как органы законодательной и исполнительной власти наделяются куда меньшей степенью доверия (28,4% жителей области доверяют Совету Федерации, 23,2% - Государственной Думе, 30% - органам исполнительной власти). Местные органы власти пользуются еще меньшим доверием у населения Ростовской области, нежели федеральные, что характеризует отношение населения с органами местного самоуправления как дистантное, а деятельность этих органов – как неэффективную при недоверии к ним 45% жителей области.

На втором месте по уровню доверия общественным институтам в Ростовской области, как и в России, оказалась армия (64,9%), но при этом деятельность силовых структур, ответственных за охрану внутреннего правопорядка, не вызывает у населения области такого же высокого доверия: 40% опрошенных жителей области не доверяют полиции и органам внутренних дел. Высоким уровнем доверия среди социальных институтов пользуется Академии наук (45,2%), что также соотносится с общероссийскими данными *(ФНИСЦ РАН, 2018)* и говорит о повышении в сознании россиян значимости и ценности науки, научной информации (в отличие от той, что транслируется сегодня в СМИ, которым большая часть опрошенных в РО не доверяет (55% не доверяют прессе и 53,9% - телевидению) *(Волков, 2018).* Несколько снизились позиции церкви в российском рейтинге доверия, а в Ростовской области наблюдается еще больше снижение этих позиций – доверяют церкви здесь 35,3% *(Волков, 2018)*; еще более низким уровнем доверия характеризуется судебная система: 47,5% опрошенных в области высказали полное недоверие судопроизводству в России, что также коррелирует с общероссийскими данными.

Социально-экономическое неблагополучие, имеющее совершенно отчётливое региональное измерение в России, является также значимым фактором противодействия консолидации регионального пространства. Данные о регионах Юга России в структуре регионального пространства страны свидетельствуют, что целый ряд из них относится к «проблемным», и среди них особенно выделяются республики Северного Кавказа. Согласно данным социологических опросов, значительная часть жителей Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии (почти 30%) планируют покинуть свою республику на постоянное место жительства (за границу или в другой регион России) по причинам сложной социально-экономической ситуации *(Опрос на Северном Кавказе, 2017).*

Кризис доверия фиксируется на всех уровнях социальной организации российского общества, и об этом красноречиво говорят данные ФОМ 2019 г., согласно которым 43% россиян изначально относятся к незнакомым людям с недоверием – и среди них больше всего молодых (56%), а среди поколений постарше так считает 48% *(Межличностное доверие)*. Безусловно, такая ситуация не может не сказываться на различных видах консолидации регионального социума в политической, социальной, экономической, духовной сферах жизнедеятельности.

Фактор идентичности в консолидации регионального пространства Юга России

И в данной ситуации как никогда актуализируется необходимость формирования диалогичного взаимодействия в поликультурном пространстве Юга России, где доминанта «многоликости» и многообразия, как пишут исследователи, преобладает над единством *(Бадмаев, 2010).* В этой связи взаимодействие между локальными культурами предполагает формирование особого поля смыслового пересечения, когда именно диалог должен быть способом взаимодействия культур и условием их развития. И в этом поле невозможно найти общеэтническую идею – слишком значителен на Юге России фактор полиэтничности и многоликости культурных миров. Само взаимодействие этносов, как считает В.Н. Бадмаев *(Бадмаев, 2010),* следует рассматривать в качестве архетипа, лежащего в основе социокультурной системы данного региона, с необходимым признанием права на культурные различия и «непрозрачность» как право на собственную уникальность. Такое взаимодействие представляется этому ученому возможным в рамках транскультурации, позволяющей сформировать такую модель общероссийского цивилизационного поля, в которой за различными культурными и конфессиональными общностями будут признаны равные права с целью максимального сохранения культурной самобытности населяющих Россию народов с возможностью их конструктивной адаптации к единому социокультурному пространству страны.

Очевидно, что в рамках такого подхода к принципам взаимодействия этнонациональных и конфессиональных групп в нациестроительстве следует учитывать, что формирование общероссийской (государственно-гражданской) идентичности не предполагает противопоставление ей этнической идентичности, основанной на этническом самосознании, что у народов Юга России (особенно на Северном Кавказе) очень высоко развито. Согласно эмпирическим данным, похожее распределение ответов на данный вопрос было получено и в других северокавказских республиках. Так, в Ингушетии национальная принадлежность оценивается как значимая и приносящая позитивные эмоции 81,7% опрошенных в 2017 г. агентством «Medium - Orient» респондентов; в Дагестане – 82,3% респондентов *(Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения, 2017).* Важно то, что гражданская (общероссийская) идентичность столь высоких позитивных эмоций не вызывает. В целом, если говорить об указанных выше республиках, положительные эмоции характерны для 59,3% опрошенных, но сторонников российского гражданства в Кабардино-Балкарии оказалось значительно меньше, чем в Дагестане. В последнем порядка 80,8% опрошенных респондентов предпочитают российское гражданство какому-либо другому *(Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения, 2017)*.

И тем не менее ситуация налицо – этническая идентичность является более важной для народов ряда регионов Юга России, что актуализирует проблему поиска надэтнических, наднациональных оснований идентификации населения Юга России, поскольку социальная консолидация вне единой идентификационной траектории, ведущей к формированию общероссийской идентичности, невозможна. Но для регионов в контексте консолидации их социального пространства важна региональная идентичность, и в этом плане исследователи констатируют, что на Юге России

идентификационные процессы в значительной степени детерминируются особенностями традиционных культур, так как сам Юг России – один из тех регионов, где сильны позиции традиционной культуры, и если в северокавказских республиках они определяются мусульманской религией, то в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области – казачеством (Сериков) *(Сериков, 2013).*

Иными словами, сам Юг России настолько дифференцирован в этнокультурном и конфессиональном плане, что формирование региональной идентичности в границах данного макрорегиона – задача не из простых, но принципиально значимых для консолидации регионального пространства, особенно если учесть, что согласно одному из определений региональной идентичности, которое нам импонирует, под ней следует понимать «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы» *(Корепанов, 2009).* Как видим, в этом определении также фигурирует категория смысла как центральная для идентификации населения региона. Она же является центральной в нашем понимании социальной консолидации региона в контексте пространственного подхода.

Г.Д. Денисова и Л.В. Клименко, рассматривая структуру населения Юга России, проводят параллель с советским периодом и указывают на тот факт, что «если в советский период задача управления межэтническими отношениями рассматривалась в перспективе этнокультурной ассимиляции, то в настоящее время акцент сместился на достижение культурного плюрализма, формирование и поддержание социетальных ценностей как основы интеграции населения» *(Клименко, 2013).* Такая модель региональной идентичности основывается на сосуществовании таких региональных компонентов, как гражданский и этнокультурный. Последний также включает и конфессиональный как имеющий важное значение на территории Юга России. Совместить единовременно указанные региональные компоненты с целью формирования гражданской (общероссийской) идентичности в условиях полиэтничности южнороссийского региона достаточно сложно, но необходимо с целью предотвращения локальных межэтнических конфликтов и формирования социетальной целостности данного региона. Результаты социологического исследования, проведенного указанными выше учеными, показали, что в ряде регионов Юга России имеются основания для интеграции на основе общегражданских ценностей.

К таким регионам относятся Ростовская область и Краснодарский край, так как здесь в структуре многоуровневой идентичности населения доминирует общегражданский наднациональный компонент. Сильна здесь также региональная идентичность (Юг России), в то время как жители Республики Адыгея в большей степени ориентированы на этнический компонент и локальный уровень территориальной идентичности (свой населенный пункт). В качестве факторов региональной интеграции, как показали результаты этого же исследования, выступают общая территория, обычаи и традиции, а основными барьерами формирования региональной общности признаются имущественное неравенство и дифференциация интересов регионального социума *(Клименко, 2013).*

Этими же исследователями, Г.С. Денисовой и Л.В. Клименко, был поставлен вопрос о степени сформированности макрорегиональной идентичности под названием «южане» как интегративной силы. Проанализировав результаты серии глубинных интервью с представителями научного сообщества и административных органов Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, ими был сделан вывод: если о наличии северокавказской идентичности на Юге России можно говорить достаточно уверенно, то наличие южнороссийской идентичности вызывает большие сомнения. Как полагают ученые, причина кроется в разделении Юга

России как формирующегося макрорегиона на два округа – ЮФО и СКФО *(Денисова, 2011).* Этот политический шаг не позволил решить остро стоящие перед регионом социальные проблемы, зато затормозил стратегию его развития в траектории интеграции и формирования южнороссийской идентичности, которая после образования двух округов стала интенсивно разрушаться, не будучи подкрепленной необходимыми ресурсами и соответствующей политикой на уровне деятельности социальных институтов – СМИ, культуры, традиционно используемые государством, органами власти в рамках государственного заказа на формирование надэтничной идентичности (в данном случае южнороссийской). В результате этого, как считают исследователи, была упущена возможность интеграции поликультурного пространства южнороссийского региона на основе собственных ресурсов и естественным путем, т.е. снизу *(Денисова, 2011).*

В качестве препятствующих факторов интеграции российских полиэтничных регионов Е.А. Агеева указывает на социально-экономическое неблагополучие российского социума; отсутствие гражданского общества в России и ее регионах; националистические движения; проявления ксенофобии; неэффективность правового регулирования отношений в сфере межэтнического взаимодействия, рынка; несогласованность политики федерального центра и регионов, что, в целом, определяет фрагментарный характер консолидации регионального социума *(Агеева, 2004).* А между тем совершенно ясно, что успех консолидации регионального сообщества зависит о того, является ли он комплексным, включающим самые различные сферы общественных отношений и процессов.

В условиях несформированности региональной (южнороссийской) идентичности консолидационный процесс на Юге России становится практически полностью зависимым от политики властных органов в этом направлении, что соответствует российской традиции патернализма, а властные структуры регионального пространства Юга России, в силу этой традиции, ориентируются на заданный правительством, и, в частности, Президентом страны, курс. Здесь мы снова обратимся к конъюнктивному дискурсу О.В. Захаровой, которая проанализировала его с целью выявления типа консолидации в России с учетом транслируемых президентом РФ смыслов, идей и целей консолидации российскому населению.

Этот дискурс, как было выявлено Захаровой, сводится к патриотизму как фактору не просто консолидации общества, а консолидации общества с лидером страны, с курсом, который он проводит *(Захарова, 2016).* Такой подход к консолидации обеспечил эффект консолидации ввиду ряда событий (присоединение Крыма, Олимпиада в Сочи, обострение отношений с Западом), но стать основой долговременной консолидации он не в состоянии, так как имеет персонифицированный характер (ассоциируется с конкретной персоной – Президентом РФ) и не содержит в себе дискурс реальных социальных проблем жителей страны и регионов.

Патриотизм как фактор консолидации регионального сообщества на Юге России

Действительно, патриотизм является фактором консолидации общества, в том числе регионального сообщества, и особенно явно это происходит в переломные периоды общественного развития, связанные с кардинальными реформами, сменой социального порядка, когда разрушаются прежние скрепы в виде социальных норм, идеологических ориентиров. Патриотизм в этих условиях позволяет населению, сохранившись как социокультурное целое, солидаризироваться вокруг общих проблем и готовности их преодоления. Однако зачастую патриотизм становится фактором манипуляции массовым сознанием и пропаганды «нужных» идей заинтересованными силами, что приводит к искажению самой идеи патриотизма. А лишенный своих

глубинных ценностных оснований, он не может выступать фактором консолидации общества.

Имеющийся массив научной литературы в области изучения консолидационного потенциала патриотизма в локальных сообществах на Юге России является предметом различных дисциплинарных практик, но специальных социологических исследований в этом направлении немного. Собственно, на данный момент можно выделить исследование, проведенное группой ростовских ученых в 2018 г. в пяти субъектах Юга России *(Волков, 2018),* в котором ученые обратились к изучению патриотических практик в данном регионе. Когнитивная схема данного исследования базировалась на выделении формальных и неформальных механизмов формирования патриотических практик в условиях сложной этносоциальной структуры данного региона, что позволило сформулировать ряд выводов. В отношении формальных механизмов формирования патриотизма как фактора консолидации населения Юга России был сделан вывод, что они регламентируются прежде всего государственной программой патриотического воспитания граждан Российской Федерации *(Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»),* которая с некоторыми отличиями нашла отражение в региональных программах патриотического воспитания граждан («О патриотическом воспитании граждан в Ставропольском крае», «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Крым», «О патриотическом воспитании граждан Ростовской области» и др.).

Реализация региональных программ в границах базовой всероссийской программы патриотического воспитания, которая вписывается в ментальную программу нормативного поведения в российском обществе, основывающуюся на этатистской традиции, этике служения и готовности встать на защиту Отечества в случае исходящей угрозы от внешних врагов, способствует формированию негативной идентичности. Эта идентичность основывается на формировании образа «врага» и, соответственно, необходимости борьбы с ним. Эмпирические данные говорят о том, что почти четверть россиян поддерживает идею о том, что Россия на современном этапе со всех сторон окружена врагами *(Левада),* а следствием этого становится стратегия формирования исторически знакомого нам героического патриотизма, укорененного в ментальных практиках россиян, и Юге России в том числе. В свою очередь героический патриотизм вписан в идейное и смысловое пространство державного патриотизма. Его основным ресурсом является Великая Отечественная Война.

Воспроизводство исторической памяти населения в контексте событий ВОВ в региональном пространстве Юга России и на всей территории страны вылилось в развитие масштабного военно-патриотического движения. Среди наиболее распространённых патриотических практик такого рода на Юге России можно назвать такие военно-мобилизационные патриотические организации и движения, как «Вертикаль», «Гардемарины», «Десантник», «Разведчик» и др. *(Список военно-патриотических клубов).* Нельзя не сказать о принявшем масштабный характер на Юге России движении юнармейцев, также вписанном в рамки формальных управленческих практик в области патриотического воспитания молодежи Юга России в русле развития всероссийского проекта «Юнармия» *(Форменный пацан).* Его реализация основывается на массовом вовлечении учащейся молодежи Юга России в военно-патриотическую деятельность, что, как мы полагаем, способствует милитаризации сознания молодежи.

Опасность такого формата патриотического воспитания молодежи связана с тем, что не формируется такое важное для долговременной и устойчивой социальной консолидации регионального социума качество как гражданственность.

Включенность ценности гражданственности в восприятие патриотизма – основа формирования гражданского патриотизма, направленного на деятельностное восприятие патриотизма в виде ответственной деятельности на благо общества. Военно-патриотическое движение, способствующее героизации патриотизма, оторванного от реалий повседневной жизни российского общества с ее проблемами, не способствует формированию конструктивного патриотизма, в основе которого – критическое осмысление сложившейся реальности и стремление ее изменить к лучшему.

В качестве позитивного момента стоит отметить, что потенциал патриотизма на уровне формальных региональных управленческих практик используется в качестве ресурса консолидации регионального социума, регуляции межэтнических отношений. Так, в Республике Адыгея принята Государственная программа "Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание", рассчитанная до 2020 года *(О государственной программе Республики Адыгея "Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание")* с целью решения проблем ксенофобии, межэтнической напряженности и межконфессиональной нетерпимости. Но тревогу вызывает то, что даже на неформальном уровне, как отмечают исследователи, неформальные патриотические практики выстраиваются в русле формальных, т.е. этатистских, а этатистский (державный) патриотизм на Юге России таит в себе риски национализма, поскольку само региональное пространство этой части страны является весьма благодатной почвой для проявления и распространения этнонационализма, этнофобии и этноэкстремизма *(Волков, 2018).* Более того, само восприятие патриотизма в России содержит в себе нотки национализма, так как пятая часть населения страны убеждена, что патриот – это тот, кто считает свою страну лучше других *(Левада-центр, 2013).*

Формальность неформальных патриотических практик на Юге России выражается в том, что последние, изначально оформленные как неформальные, зачастую становятся формальными, вписываясь в общий этатистский и державный дискурс. В качестве примера можно привести патриотические практики, связанные с прошлым, ВОВ. Это различные поисковые отряды, военно-патриотические акции, проводимые по инициативе самих жителей регионов Юга страны, которые становятся основой патриотических практик в ущерб повседневным практикам, ориентированным на решение реальных проблем, связанных с дефицитом доверия и социальной справедливости, нарушением гражданских прав, разгулом коррупции, незащищенностью детей и молодежи, женщин и стариков. Эти проблемы не включены в пространство патриотических практик и не являются, собственно, объектом патриотической деятельности, потому что патриотизму в России не хватает гражданственности *(Верещагина, 2018).*

Не выступая против исторически сложившегося в России военно-патриотического патриотизма, ориентированного на воспроизводство исторической памяти и, в частности, памяти о ВОВ, мы считаем, что необходимо, отказавшись от ценности и значимости только одного (державного) типа патриотизма с его консолидационным потенциалом, развить и потенциал другого – гражданского. Гражданский патриотизм вполне может сочетаться с патриотическими практиками воспроизводства героической исторической памяти как важными для социокультурного воспроизводства общества, поддержания единства народов страны, но для решения повседневных проблем, связанных с современной реальностью, необходим именно гражданский патриотизм, основанный на гражданских практиках с совершенно иной парадигмой патриотизма – не этатистской, а гражданской.

Резюме

Рассмотрев в контексте тесной взаимосвязи и взаимообусловленности три группы факторов социальной консолидации (социокультурные, социально-

экономические и социально-политические), мы можем сделать вывод, что факторами, препятствующими консолидации регионального пространства на Юге России, являются прежде всего следующие:

– Этнический и конфессиональный факторы, включенные в группу социокультурных и детерминирующих векторов развития и влияния на социальную консолидацию социально-экономических и социально-политических факторов. Религиозный фактор, проявляющий себя в следующем: религия снова вернулась в публичное пространство, определяя формы и динамику социальных отношений и процессов на Юге России, зачастую в деструктивном виде (рост религиозного экстремизма, особенно в регионах, традиционно исповедующих ислам). Наиболее опасное проявление этой деструктивности – вовлечение молодежи в деструктивные исламистские структуры и движения, основанные на идеологии исламского радикализма. Более того, религиозность в исламских регионах зачастую выступает в образе регионального патриотизма, который в таком, религиозном, виде предстает фактором консолидации отдельных регионов такого макрорегиона, как Юг России (Северный Кавказ, в частности), но фактором деконсолидации – во всем пространстве Юга России. Данная ситуация характерна и для регионов, где доминантной религией является православное христианство (Ростовская область, в Краснодарский край, Ставрополье и др.). Здесь также православное христианство становится идеологическим ресурсом формирования духовно-нормативного пространства региона и патриотического сознания молодежи. Таким образом, религиозный фактор имеет амбивалентный вектор влияния: на локальном уровне он консолидирует население регионов, а на глобальном (макрорегиональном) предстает фактором деконсолидации.

С религиозным фактором самым непосредственным образом связан другой фактор – этнический. Его деструктивное влияние на консолидационные процессы в южнороссийском регионе связано с ростом этнического самосознания и повышением роли этнического фактора в жизни общества, что выразилось в высокой динамике процессов этнократии и этнонационализма. Особенно ярко эти процессы проявляются в полиэтничных республиках, где этот фактор полиэтничности активно используется общественно-политическими силами в собственных интересах (яркий пример тому – Республика Дагестан).

– Фактор доверия, а если точнее, – фактор кризиса доверия, имеющий всероссийский характер со спецификой своего проявления на Юге России, также связан с этноконфессиональными особенностями данного макрорегиона. Речь о том, что здесь значимую роль в формировании пространства доверия как пространства консолидации региональных локальных сообществ играет опять религия, окрашивающая социальные практики в религиозную тональность. Соответственно в регионах с высоким уровнем религиозности уровень доверия тоже выше. В целом же, если говорить об институциональном доверии на Юге России, то самым высоким кредитом доверия наделяется Президент страны, а также силовые структуры (армия). Вместе с тем рейтинги доверия Президенту страны постепенно снижаются на Юге России как следствие ухудшения материального положения. Кризис доверия фиксируется на всех уровнях социальной организации южнороссийского региона, и такая ситуация негативно сказывается на политической, духовной, экономической и других видах консолидации регионального социума и регионального пространства Юга России.

– Фактор социально-экономического неблагополучия, связанный с низким социально-экономическим уровнем развития России и экономическим неравенством регионов, позволяет констатировать следующее: социально-экономическое неблагополучие в России имеет совершенно отчетливое региональное измерение и является значимым фактором противодействия консолидации регионального пространства

Юга страны. Сюда также можно отнести ситуацию с высоким уровнем коррупции в стране и южнороссийском регионе в том числе, что обостряет восприятие реальности в регионе как социально несправедливой и безнадежной с точки зрения борьбы с избыточным неравенством и бесправием населения.

– Фактор неразвитости гражданского общества, проявляющийся в нарушении прав человека в регионах проживания, низкой гражданской активности и ответственности населения.

– Фактор несформированности южнороссийской макроидентичности (южане) ввиду доминирования этнической и региональной идентичностей как базовых в идентификационных стратегиях жителей Юга России актуализирует проблему поиска надэтнических, наднациональных оснований идентификации населения Юга России, поскольку социальная консолидация вне единой идентификационной траектории, ведущей к формированию общероссийской идентичности, невозможна. На Юге России идентификационные процессы в значительной степени детерминируются особенностями традиционных культур, что определяет дифференцированный в этнокультурном и конфессиональном плане характер данного региона и сложность формирования региональной идентичности в границах данного макрорегиона. В ее основе на уровне сосуществования должны находиться такие региональные компоненты, как гражданский и этнокультурный. Это необходимо с целью предотвращения локальных межэтнических конфликтов и формирования социетальной целостности Юга России. Препятствием для реализации этого проекта послужило разделение Юга России как формирующегося макрорегиона на два округа – ЮФО и СКФО, что затормозило стратегию его развития в траектории интеграции и формирования южнороссийской идентичности, а также решения остро стоящих перед регионом социальных проблем. Таким образом, возможность интеграции поликультурного пространства южнороссийского региона на основе собственных ресурсов и естественным путем была упущена.

– Фактор несогласованности политики федерального центра и регионов, в условиях несформированности региональной (южнороссийской) идентичности препятствующий эффективному консолидационному процессу на Юге России, который, будучи практически полностью зависимым от политики федеральных властных органов в русле российской традиции патернализма, не позволяет структурам регионального пространства Юга России выработать собственное пространство смыслов и идей консолидации.

– Фактор патриотизма, выступающий фактором консолидации регионального сообщества и пространства Юга России в формате этатистского (державного) дискурса патриотизма, в российских реалиях трансформирующийся в инструмент манипуляции массовым сознанием и решения заданных курсом правящей элиты проблем, не затрагивающих проблем повседневной социальной реальности и не способствующих формированию гражданской идентичности. Более того, реализуемая стратегия патриотического воспитания на Юге России в рамках региональных программ в границах базовой всероссийской программы патриотического воспитания, основывающейся на этатистской традиции, этике служения и готовности встать на защиту Отечества в случае исходящей угрозы от внешних врагов, способствует формированию негативной идентичности. Этатистский (державный) патриотизм на Юге России таит в себе риски национализма, поскольку само региональное пространство этой части страны – весьма благодатная почва для проявления и распространения этнонационализма, этнофобии и этноэкстремизма. Необходимо, отказавшись от ценности и значимости одного (державного) типа патриотизма с его консолидационным потенциалом, развивать потенциал и другого – гражданского, важного для решения повседневных

проблем, связанных с современной реальностью, тем более, что развитие такого патриотизма предполагает наличие высокого уровня социальной субъектности и гражданской активности. Однако в России и в ее южной части доминируют этатистские и патерналистские установки, а основным актором социальных изменений в глазах регионального сообщества признается государство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Узунов Владимир Владимирович
Доктор политических наук, директор
Крымского филиала Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Vladimir Vladimirovich Uzunov
Doctor of Political Sciences, Director of
Crimean branch of the Federal
Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Литература

1. *Авксентьев В.А, Гриценко Г.Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92-99.

2. *Агеева Е.А.* Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтнического региона): Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2004. 175 с.

3. *Бадмаев В.Н.* Пограничность социокультурного пространства Юга России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. №2. С. 82-85.

4. *Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Дьяченко А.Н.* Этноконфессиональная идентичность населения юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов // Гуманитарий Юга России. 2018. № 6. С. 57-65.

5. *Верещагина А.В.* Почему патриотизму на Юге России не хватает гражданственности (по результатам социологического исследования)? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5-2. С. 54-64.

6. Двадцать пять лет новой России: Ростовская область : Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 174 с.

7. *Денисова Г.С, Клименко Л.В.* Южно-Российская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 6. С. 29-33.

8. *Захарова О.В.* Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000-2015) // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 29-45.

9. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков, Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.

10. *Клименко Л.В.* Структура идентичности населения в контексте формирования социетальной целостности Юга России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2013. №6 (32). С. 55-65.

11. *Корепанов Г.С.* Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 4. С. 56-65.

12. *Круглова А.Ю.* Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия. Автореферат дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 40 с.

13. *Маркин В. В.* Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123-133.

14. *Мукомель В.И., Рыжова С.Е.* Доверие и недоверия в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 37-46.

15. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, Лубский А.В., [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 412 с.

16. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. Информационно-аналитический доклад. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 55 с.

17. *Рыжова С.В.* Религиозность и вопросы межэтнических отношений в России // Власть. 2018. № 9. С. 80-84.

18. *Силантьева М.В.* Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества // Точки. PUNCTA. 2011. №1-2(10). С. 27-30.

19. *Текушев И., Шевченко К.* Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2017. С. 11–12.

20. *Узунов В. В.* Социальная консолидация и инновационное развитие регионального пространства Юга России: методологическая схема исследования // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 3. С. 216-230.

21. Граждане хотят объединяться ради общей идеи, но пока друг другу не доверяют // Газета "Коммерсантъ" № 25 от 12.02.2019, стр. 3. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3881470.

22. Институциональное доверие. Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/

23. Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения 2017. Режим доступа: http://caucasustimes.com/ru/kabardino-balkarija-v-zerkale-obshhestvennogo-mnenija-2017/

24. Межличностное доверие. Режим доступа: https://fom.ru/TSennosti/14215

25. Мчедлова М.М. Социальная консолидация российского общества: роль религиозного фактора. Режим доступа: http://www.oboznik.ru/?p=46119

26. О государственной программе Республики Адыгея "Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание" на 2014 - 2020 годы (с изменениями на 29 декабря 2017 года). Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/460218073

27. Опрос на Северном Кавказе 2017: коррупция и ухудшение экономического положения подрывают авторитет власти в регионе. Режим доступа: http://caucasustimes.com/ru/opros-na-severnom-kavkaze-2017-korrupcija-i-uhudshenie-jekonomicheskogo-polozhenija-podryvaet-avtoritet-vlasti-v-regione/

28. Патриотизм в представлениях россиян. «Левада-центр». Режим доступа: http://www.levada.ru/19-11-2013/patriotizm-v-predstavleniyakh-rossiyan

29. Россияне назвали главных врагов страны. Режим доступа: https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/

30. Сериков АВ., Скуднова И.Б. Специфика формирования региональной идентичности молодежи Юга России. Режим доступа: http://naukarus.com/spetsifika-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-molodezhi-yuga-rossii

31. Список военно-патриотических клубов. Режим доступа: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs

32. Форменный пацан. Режим доступа: https://rg.ru/2016/04/06/v-rossii-poiavitsia-novoe-molodezhnoe-voenno-patrioticheskoe-dvizhenie.html

33. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Утверждена постановлением Правительства от 30 декабря 2015 года № 1493. Режим доступа: http://government.ru/programs/664/events/

References

1. Ageeva E.A. (2004). Political aspects of the consolidation of modern Russian society (On the example of a multi-ethnic region): Dissertation .... Candidate of Political Sciences. Moscow, 175 p.

2. Avksentiev V.A., Gritsenko G.D. (2016). Ethnopolitical situation in the North Caucasus: an expert assessment // Sociological Studies. No. 1. P. 92-99.

3. Badmaev V. N. (2010). Boundedness of socio-cultural space of Southern Russia // Vestnik of Maykop State Technological University. No. 2. P. 82-85.

4. Bedrik A.V., Bineeva N.K., Diachenko A.N. (2018). Ethno-religious identity of the population of southern Russia: dichotomy of national and religious components // Humanitarian of southern Russia. No. 6. P. 57-65.

5. Denisova G.S., Klimenko L.V. (2011). South Russian identity: a missed opportunity to integrate a multicultural region // Izvestiya vuzov. North-Caucasus Region. Series: Social Sciences. No. 6.P. 29-33.

6. Institutional practices in interethnic and interreligious interaction in the South of Russia: interdisciplinary analysis and assessment of the potential use in strengthening all-Russian identity: monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky [etc.]; ed. by Yu.G. Volkov, Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education, 2018. 304 p.

7. Klimenko L.V. (2013). Structure of identity of the population in the context of formation of societal integrity of the South of Russia // Contours of global transformations: politics, economy, law. No. 6 (32). P. 55-65.

8. Korepanov G.S. (2009). Regional identity in the discourse of sociology of regional development. Series: Sociology. No. 4. P. 56-65.

9. Kruglova A.Yu.(2019). Destructive Islamist and Turkic-Islamist network structures in the South of Russia: formation, interaction, activities and methods of counteraction. Author's abstract of the dissertation ... Candidate of Social Sciences. Rostov-on-Don, 40 p.

10. Markin V. V. (2015) Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling // Humanitarian of the South of Russia. No. 4. P. 123-133.

11. Mukomel V.I., Ryzhova S.E. (2017). Trust and distrust in interethnic relations // Sociological Studies. No.1.P. 37-46.

12. Ryzhova S.V. (2018). Religiosity and issues of interethnic relations in Russia // Vlast. No. 9. P. 80-84.

13. Silantieva M.V. (2011). Religion as a factor of social consolidation of contemporary Russian society // Points. PUNCTA. No. 1-2(10). P. 27-30.

14. Tekushev I., Shevchenko K. (2017). Islam in the North Caucasus: History and Modernity. Prague, P. 11-12.

15. Uzunov V. V. (2019). Social consolidation and innovative development of the regional space of the South of Russia: methodological research scheme // Humanitarian of the South of Russia. Vol. 8. No. 3. P. 216-230.

16. Vereshchagina A.V. (2018). Why does patriotism in the South of Russia lack citizenship (based on the results of sociological research)? // Historical and Socio-Educational Thought. Vol. 10. No. 5-2. P. 54-64.

17. Zakharova O.V. (2016). Strategies of representation of the category "consolidation" in the conjunctive discourse of the Russian president (2000-2015) // Bulletin of the Institute of Sociology. No. 17. P. 29-45.

18. Citizens want to unite for a common idea, but do not trust each other yet // Kommersant newspaper № 25 from 12.02.2019, p. 3. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3881470.

19. Interpersonal trust. Available at: https://fom.ru/TSennosti/14215

20. Institutional trust. Available at: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/

21. Kabardino-Balkaria in the mirror of public opinion 2017. Available at: http://caucasustimes.com/ru/kabardino-balkarija-v-zerkale-obshhestvennogo-mnenija-2017/

22. List of military-patriotic clubs. Available at: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs.

23. Mchedlova M.M. Social consolidation of Russian society: the role of the religious factor. Available at: http://www.oboznik.ru/?p=46119

24. On the state program of the Republic of Adygea "Strengthening interethnic relations and patriotic upbringing" for 2014 - 2020 (as amended on December 29, 2017). Available at: http://docs.cntd.ru/document/460218073

25. Poll in the North Caucasus 2017: corruption and worsening economic situation undermine the authority of the authorities in the region. Available at: http://caucasustimes.com/ru/opros-na-severnom-kavkaze-2017-korrupcija-i-uhudshenie-jekonomicheskogo-polozhenija-podryvaet-avtoritet-vlasti-v-regione/

26. Patriotism in the perceptions of Russians. "Levada Center. Available at: http://www.levada.ru/19-11-2013/patriotizm-v-predstavleniyakh-rossiyan

27. Patriotism, Citizenship and Solidarity in Regional Communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, Lubsky A.V., [et al]; ed. by Yu.G. Volkov. Rostov n/D: Foundation for Science and Education, 2018. 412 p.

28. Russian society after the presidential elections - 2018: a request for change. Information and analytical report. MOSCOW: FNISZ RAS, 2018. 55 p.

29. Russians named the main enemies of the country. Available at: https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/

30. Serikov AV, Skudnova I.B. (2013). Specifics of the formation of the regional identity of the youth of Southern Russia. Available at: http://naukarus.com/spetsifika-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-molodezhi-yuga-rossii

31. Twenty-five years of the new Russia: Rostov Oblast: Monograph / Ed. by Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don : Foundation for Science and Education, 2018. 174 p.

32. Forman. Available at: https://rg.ru/2016/04/06/v-rossii-poiavitsia-novoe-molodezhnoe-voenno-patrioticheskoe-dvizhenie.html

33. State program "Patriotic upbringing of citizens of the Russian Federation for 2016-2020". Approved by Government Decree No. 1493 of December 30, 2015. Available at: http://government.ru/programs/664/events/

Поступила в редакцию ***20 июля 2021 г.***